

ОБ УЧАСТИИ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА В РЕВОЛЮЦИОННОМ ПОДПОЛЬЕ 1861 г.

Е. Г. БУШКАНЕЦ

В начале 1861 г. петербургский революционный центр разработал план издания серии прокламаций. Предлагалось обратиться с революционными призывами к крестьянам, солдатам, молодому поколению. В это время были подготовлены прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» Н. Г. Чернышевского и «Русским солдатам от их доброжелателей поклон» Н. В. Шелгунова. В Лондоне один из членов петербургского центра Н. Н. Обручев совместно с Н. П. Огаревым написал прокламацию «Что нужно народу?». В июне 1861 г. Лондон посетили Н. В. Шелгунов и М. Л. Михайлов, приезжавшие туда, чтобы отпечатать в Вольной русской типографии прокламацию «К молодому поколению»; тогда же Огарев написал прокламацию «Что надо делать войску?»; одновременно в России был распространен первый номер листка «Великорусса».

Принимал ли участие в подготовке прокламаций Н. А. Добролюбов? Исследователи его жизни и деятельности не дают прямого ответа на этот вопрос. В литературе о Добролюбове даже не предпринималось попыток рассмотреть его отношение к появившимся прокламациям, возможность его участия в их подготовке. Задача настоящего сообщения состоит в том, чтобы привлечь внимание исследователей к этому вопросу.

Известно, что в мае 1860 г. Н. А. Добролюбов, уступая настойчивым требованиям врачей, выехал для лечения за границу. Было бы ошибочным представлять себе, что на протяжении примерно четырнадцати месяцев он был занят лишь выполнением врачебных предписаний. Наоборот, по свидетельству современника, за границей «вместо того, чтобы внимательно заняться своим здоровьем», он увлекся демократическим движением в Европе. Весной 1861 г., например, Добролюбов «весь погрузился в ту кипучую жизнь, которой тогда жила соединявшаяся Италия, познакомился со всеми тамошними деятелями, принимал живейшее участие в их делах и прениях, несколько раз проехал Италию из конца в конец...»¹. Внимательно изучая опыт революционного движения на Западе, устанавливая непосредственные связи с западноевропейскими революционерами, Добролюбов продолжал неутомимо трудиться во имя освобождения России от «внутренних турок».

Нет оснований сомневаться в том, что Добролюбов был информирован о разработанном в Петербурге плане издания прокламаций. В частности, Шелгунов и Михайлов могли свободно писать ему о планах русского подполья в Италию из Франции или Англии. Не исключена и возможность их встречи. Показательно, что III отделение во время следствия над Михайловым особенно настойчиво пыталось выяснить, встречался ли он с Добролюбовым во время своей заграничной поездки².

С планом выпуска прокламаций Добролюбов мог познакомиться через Н. Н. Обручева, с которым он переписывался. Сохранились письма Обручева, написанные в декабре 1860 — феврале 1861 г.³ Переписка продолжалась и позже, но последующие письма были уничтожены Добролюбовым. Они были отправлены уже из Лондона, где Обручев вместе с Огаревым работал над прокламацией «Что нужно народу?»

¹ «Время», 1861, № 11, стр. 31. Автор заметки-некролога о Добролюбове неизвестен, но, как видно из ее текста, он был близок к покойному и о многом мог знать лично от него.

² М. Михайлов. Соч., т. III, М., 1958, стр. 471.

³ «Заветы», 1913, № 2, стр. 86—96.

и в них, видимо содержались сведения о том, какие документы подготавливаются и печатаются в Лондоне.

Добролюбов вернулся в Россию в июле 1861 г., 8 или 9 августа он был в Петербурге. Несмотря на плохое здоровье он до конца сентября продолжал очень напряженно работать. Некоторые авторы утверждают, что для него якобы многое оказалось на родине неожиданным. При этом они ссылаются на письмо Добролюбова Некрасову, находившемуся в деревне, от 9 сентября 1861 г., где говорилось: «Здесь возникает, не знаю надолго ли, какое-то подземное действие, по городу бегают и рассылают листочки, напечатанные тайно и объясняющиеся без всяких церемоний. Вследствие этого, конечно, розыски, полицейские строгости, чудовищные слухи. Только и слышно, что того обыскивали, того взяли; большая часть, разумеется, оказывается вздором. У Михайлова был жандармский обыск с неделю назад; с тех пор я каждый день встречаю людей, уверяющих, что он арестован. Третьего дня вечером я видел Михайлова еще на свободе, а вчера опять уверяли меня, что он взят. Оно бы и не мудрено — в течение ночи все может случиться; да, ведь, взять-то не за что — вот беда!.. Михайлова взять — ведь это курам на смех!».

В. С. Кружков принял заключительные фразы о Михайлове за чистую монету. По поводу слов «Михайлова взять — ведь это курам на смех!» он с возмущением по адресу «разбушевавшейся реакции» заметил: «Михайлов все же был арестован»⁴.

Между тем, письмо явно имело двух адресатов — Некрасова, которому нужно было сообщить об обыске у одного из сотрудников «Современника» и возможности его ареста, и III отделение, которое не преминет, как считал Добролюбов, ознакомиться с содержанием письма. Так и случилось — Некрасов сразу уничтожил полученное письмо, но перлюстрационная копия с него сохранилась в секретном архиве III отделения⁵.

Добролюбов на деле хорошо знал, что за «листочки» появились в Петербурге, кем они составлены, где напечатаны и кто их распространяет. Первостепенное значение представляет, на наш взгляд, позднейшее свидетельство Чернышевского в беседе с Н. В. Рейнгардтом в Астрахани в 1886 г. «Я никогда не доверял Костомарову, — говорил Чернышевский, — и относился к нему крайне подозрительно, советовал и всем нашим быть с ним осторожнее, но как Михайлов, так и Добролюбов находили мои подозрения совершенно неосновательными»⁶. Из этого свидетельства, мимо которого прошли исследователи, вытекает, что между 9 и 17 августа (дата отъезда Чернышевского в Саратов) имело место обсуждение возможности использовать в дальнейшем станок В. Д. Костомарова для печатания прокламации, и Добролюбов принимал в этом обсуждении активное участие. В интересах революционного подполья Добролюбов и Михайлов считали целесообразным не порывать с Костомаровым. Не исключено, что речь шла о передаче Костомарову каких-то новых текстов, поскольку тексты «Барским крестьянам...» и «Русским солдатам...» были к этому времени у него в руках и, по его уверениям, уже печатались.

Не меньший интерес представляет другое свидетельство Н. Г. Чернышевского, также выпавшее из поля зрения историков революционного движения. Разбирая бумаги Добролюбова после его смерти, Чернышевский выделил два листка с копиями различных почерков. Датируя эти листки периодом пребывания Добролюбова в семинарии, Чернышев-

⁴ В. С. Кружков. Мироззрение Н. А. Добролюбова, М., 1950, стр. 124.

⁵ Впервые опубликована в «Русском прошлом», 1923, кн. II, стр. 146—147; см. ЦГИАМ, ф. 109, секр. архив, оп. I, ед. хр. 1978.

⁶ Н. В. Рейнгардт. Н. Г. Чернышевский. «Русская старина», 1905, февраль, стр. 473.

ский сделал к ним следующую надпись: «Одной из забав семинаристов было копирование подписей. Это листок такой забавы. В него вложен другой листок. Добролюбов ли копировал подписи, не умею разобрать. Мне говорили в 1861 г., что в начале осени этого года он умел хорошо писать разными почерками. Н. Чернышевский»⁷.

Что же мог писать Добролюбов в начале осени 1861 г. измененным почерком? Безусловно, какой-то политический документ, связанный с деятельностью революционного подполья, три подготковке которого Добролюбов принимал такие же конспиративные меры, как и Чернышевский, Шелгунов и другие революционеры 60-х годов. Напомним рассказ Шелгунова о том, что свою прокламацию к солдатам после ее завершения он «переписал измененным почерком» и только после того вручил Михайлову для передачи Костомарову. Чернышевский в беседах с С. Г. Стахевичем также связывал умение «писать несколькими почерками» с подготовкой прокламаций в 1861 г.⁸ Не случайно, что о том, что Добролюбов переписывал что-то измененным почерком была необходимость позднее поставить в известность Чернышевского.

Как понимать указание Чернышевского, что факт этот имел место «в начале осени»? Скорее всего его следует отнести к концу августа — началу сентября; Чернышевский был в это время в Саратове. Он узнал о том, что Добролюбов переписывал какой-то документ чужим почерком лишь после возвращения в Петербург.

В отсутствие Чернышевского, 14 сентября был арестован Михайлов. Очень красноречиво свидетельство Шелгунова, жившего с Михайловым на одной квартире, что в тот же день он счел нужным побывать у Добролюбова и сообщить ему «все подробности обыска и ареста»⁹. Шелгунов, следовательно, видел в Добролюбове человека, которого он должен был сразу информировать обо всем происшедшем.

Не исключено, что готовившийся Добролюбовым документ был связан с первыми шагами нелегального революционного общества «Земля и воля». Весной 1861 г. активную деятельность по подготовке к созданию общества за границей вел Н. Н. Обручев. Мы не располагаем данными об участии в этом в период пребывания за границей Добролюбова, но все известное об отношениях Добролюбова и Обручева, позволяет утверждать, что Обручев мог предпринимать что-либо только с ведома и одобрения Добролюбова. В Петербург Добролюбов вернулся вслед за приехавшим от Н. Н. Обручева А. А. Слепцовым в разгар работы по созданию общества. Участие в этой работе подтверждается его близкими отношениями с А. А. Слепцовым. Отметим, что последний включен Чернышевским в список наиболее близких к Добролюбову лиц — факт, также оставленный без внимания биографами Добролюбова и историками первой «Земли и воли»¹⁰. Не случайно революционная традиция считала «Землю и волю» «детисцем» Добролюбова¹¹.

⁷ Архив Института русской литературы АН СССР (Пушкинского дома), шифр 1966. VII-с; см. также В. Н. Княжин. Архив Н. А. Добролюбова. «Описание...» в кн. «Временник Пушкинского дома. 1913», СПб., 1914, стр. 46 второй пагинации.

⁸ Н. В. Шелгунов. Воспоминания, М.—Пг., 1923, стр. 33; «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников», т. II, Саратов, 1959, стр. 96.

⁹ Н. В. Шелгунов. Воспоминания, стр. 137, подчеркнуто нами.— Е. Б. Сравни: Ю. Д. Левин. Об отношениях Н. А. Добролюбова и М. Л. Михайлова в 1861 году. «Изв. АН СССР», отд. литературы и языка, 1961, т. XX, стр. 420—424.

¹⁰ Список этот составлен в начале 1862 г. для рассылки собрания сочинений Добролюбова, издававшегося под редакцией Чернышевского. В списке значатся самые близкие друзья Добролюбова — Н. Н. Обручев, М. Михайлов, П. И. Боков, Н. А. Некрасов, его товарищи по учебе в Педагогическом институте, родственники, т. е. только лично близкие Добролюбову люди. Наличие в этом списке А. А. Слепцова представляется нам очень важным для изучения возникновения «Земли и воли» в 1860-х годах. До сих пор ничего о знакомстве Добролюбова с А. А. Слепцовым не было известно. (См. Архив Института русской литературы АН СССР, шифр 128. 1949, VII-с — «Список лиц, которым надобно послать сочинения Н. А. Добролюбова» (рукой Чернышевского).

¹¹ О. В. Аптекман. Общество «Земля и воля» 1870-х годов, Пг., 1924, стр. 22.

В то же время не исключено, что документ, переписывавшийся Добролюбовым измененным почерком, мог иметь отношение к выступлению передовой части петербургского студенчества в сентябре 1861 г. Добролюбов проявлял исключительный интерес к этим событиям в университете. С некоторыми из руководителей этих выступлений он был связан. К концу августа — сентябрю относится знакомство Добролюбова с одним из вожakov студенческих выступлений Игнатием Пиотровским. Показательно, какие выводы сделал Пиотровский из своего кратковременного знакомства с Добролюбовым некоторое время спустя. Поклоняясь Чернышевскому, он вместе с тем подчеркивал «смелость» Добролюбова, его исключительную революционную активность: «Чернышевский ни разу не пришел на наши сходки, хотя и очень ими интересовался и все время про них расспрашивал. Добролюбов же, будь он здоров, не только пришел бы, но и повлек бы за собой бог весть куда»¹².

Несмотря на то, что содержание документа, который Добролюбов в начале осени 1861 г. хорошо переписал измененным почерком, нам не известно, самый факт участия Добролюбова в подготовке такого рода документов в конце августа — сентябре 1861 г. представляет исключительный интерес для истории русского освободительного движения.

Показателен в этом плане некролог о Добролюбове, написанный И. Пиотровским. Ссылаясь на Чернышевского, он делил жизнь покойного на три периода — первый, когда Добролюбова более всего волновали дела семейные; второй — с момента вступления в редакцию «Современника», когда его занимали преимущественно отношения с литераторами и литературным миром; и, наконец, третий, когда интерес Добролюбова привлекали уже прежде всего «явления общественные»¹³. На страницах подцензурного издания невозможно было яснее провести мысль, что «отличительной чертой третьего периода» была нелегальная революционная деятельность Н. А. Добролюбова.

¹² Н. Николадзе. Воспоминания о шестидесятих годах. «Каторга и ссылка», 1927, № 4(33), стр. 49.

¹³ П-ский. Николай Александрович Добролюбов. «Иллюстрация», 1862, № 203, 18 января. Авторство устанавливается собственноручным списком произведений Пиотровского, хранящимся в архиве Института истории русской литературы АН СССР.

